ЭЛИНА РОВЕЛЬ

ОСТАНЬСЯ НА ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ

Элина Ровель

Останься на тридцать дней

«Автор»
2026

Ровель Э.

Останься на тридцать дней / Э. Ровель — «Автор», 2026

Вера Соколова приезжает в родной город за чертежами отца — и застаёт рабочих в старой гостинице «Ласточка». Новый владелец Александр Воронцов готов продать здание. Вера готова доказать, что его ещё можно сохранить.У неё есть тридцать дней, оплаченный договор и твёрдое условие: никто не принимает решения за неё. У Александра — ограниченный бюджет, упрямый партнёр и привычка всё держать под контролем.Совместная работа оборачивается поездками через реку, поздними ужинами и разговорами, которые давно пора закончить, но почему-то не хочется.Им нужно договориться о будущем гостиницы. Но с каждым днём всё труднее понять, ради чего они остаются рядом: общего дела или друг друга.

© Ровель Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ключ от закрытого дома 5
Глава 2. Квартира, в которой всё иначе 8
Глава 3. Тридцать дней 13
Глава 4. Что держит крышу 16
Глава 5. Номер для одного 19
Глава 6. Чужие планы 24
Глава 7. Чужой снимок 27
Глава 8. Стол на двоих 32
Глава 9. То, чего нет в списке 36
Глава 10. На другом берегу 41
Глава 11. Свободный вечер 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Элина Ровель
Останься на тридцать дней

Глава 1. Ключ от закрытого дома

Когда Вера приехала за отцовскими чертежами, в гостинице уже снимали стены.

По крайней мере, так ей показалось с порога. Мужчина в пыльной футболке держал перед собой прямоугольный лист, за которым открывались кирпич, провод и тёмная полость. Второй складывал обломки в мешок. От каждого движения по холлу расходился запах старой штукатурки — тот самый, который отец приносил домой на волосах и воротнике.

— Подождите, — сказала Вера.

Рабочий оглянулся, не опуская листа.

— У вас здесь лепнина. Под обшивкой. Не тяните на себя.

Она поставила сумку у двери, но дальше жёлтой ленты не пошла. Мужчина удерживал тяжёлую плиту на весу и смотрел на неё с тем терпением, которого хватает примерно на пять секунд.

— Сзади крепление осталось, — пояснила она. — Слева, вверху.

Второй рабочий подсветил фонариком щель.

— Есть. Вить, постой.

Лист поставили на ребро. В освободившемся проёме Вера увидела белый изгиб крыла. Ниже шла ветка, местами повреждённая, но ещё различимая. В детстве ей казалось, что птицы поддерживают лестницу спинами.

Она успела подумать, что отец был бы рад, и тут же рассердилась на себя. Уже пять лет он ничему не радовался и ничего не мог сказать. Вера всё равно продолжала мысленно показывать ему свою работу.

— Вы к кому? — спросил рабочий.

— К Тамаре Ильиничне.

— Тогда подождите её у входа, пожалуйста.

— Я уже жду.

Из коридора справа вышел мужчина с планшетом. Высокий, в тёмной куртке, без галстука; на ботинках была та же белая пыль, что у рабочих. Он посмотрел сначала на снятый лист, потом на Веру.

— Что случилось?

— Девушка говорит, снимать нельзя.

— Я сказала не тянуть, — поправила она. — Это разные вещи.

Мужчина подошёл к ограждению. В отличие от неё, он не пытался сразу рассмотреть птицу. Проверил, устойчиво ли стоит плита, дождался, пока рабочий отойдёт, и только тогда повернулся.

— Здесь обследование. Вскрываем позднюю облицовку. Кто вас пустил?

— Дверь была открыта.

— Я заметил.

На лестнице застучали быстрые шаги.

— Верочка! Господи, я же сказала к десяти.

Тамара Ильинична появилась с картонной коробкой, прижатой к животу. Вера бросилась было помогать, но та остановила её коротким движением подбородка: справлюсь. Так же она когда-то отгоняла от стойки подвыпивших гостей — спокойно и без расчёта на повторение.

— Сейчас десять, — сказала Вера.

— Уже? — Тамара посмотрела на часы. — Вот ведь.

Она поставила коробку на стол, где раньше лежала книга отзывов. Одну из ручек коробки укреплял серый скотч. На крышке отцовским почерком было написано: «Ласточка. Веранда. Варианты».

— Это ваша? — мужчина кивнул на Веру.

— Это Вера Павловна Соколова. Архитектор. Я вам говорила.

— Про дочь Павла Сергеевича?

— Про архитектора, — ответила Вера.

Вышло резче, чем она хотела. Дорога из Москвы заняла пять часов, кофе на заправке оказался сладким, хотя она просила без сахара, а теперь этот человек смотрел на неё как на родственницу, пришедшую забрать цветок с подоконника.

Он положил планшет на стол.

— Александр Воронцов. Дочь архитектора тоже может быть архитектором. Я не спорю.

Тамара Ильинична шумно выдохнула, как будто этот ответ позволил ей заняться чем-то более срочным.

— Я чайник поставлю. Тут не наступайте, шнур.

Она ушла, оставив их по разные стороны коробки.

Вера знала фамилию. Тамара произнесла её по телефону дважды, и оба раза так, как говорят о человеке, от которого ждут неприятностей, но пока не решили каких. Новый хозяин. Купил с партнёром. Хочет всё переделать. Приезжай, пока бумаги не потеряли.

— Покажете, что собираетесь вскрывать? — спросила Вера.

— Вы приехали за документами.

— Они могут пригодиться для обследования.

Воронцов посмотрел на коробку. Потом разблокировал планшет и развернул к ней план.

Она придвинула очки, которые успела убрать на макушку, и увеличила изображение двумя пальцами.

— Это инвентаризация две тысячи восьмого года?

— Последняя из тех, что нам передали.

— Здесь зашита лестничная ниша. И её же обозначили сплошной стеной. А под ней…

— Декоративное ограждение, — закончил он. — Мы видим.

— Вы видите кусок. Оно идёт до площадки второго этажа. Если снимать обшивку в порядке, который у вас отмечен, верхние крепления потянут за собой старый декор.

Рабочий с фонариком слушал уже открыто.

— Там пустота дальше, да, — сказал он. — Я ещё вчера щупал.

Воронцов не ответил сразу. Пролистал документ, нашёл номер и позвонил.

— Денис, подойди к главной лестнице. Тут вопрос по поздней обшивке. Да, сейчас.

Вера убрала руку от планшета. Ей хотелось услышать немедленное признание ошибки, и это желание было неприятно знакомым. Когда-то она могла потратить целое совещание, добиваясь одного «вы правы», вместо того чтобы объяснить, что нужно сделать дальше.

Она откинула крышку коробки.

Папки лежали аккуратно, торцами вверх. На одной сохранилась жёлтая наклейка с её детским рисунком: дом, солнце и человек настолько длинный, что голова не помещалась на листе. Отец никогда не снимал эту наклейку. Вера коснулась пальцем края, где клей потемнел от времени.

— У вас есть старые фотографии? — спросил Воронцов.

— Должны быть.

— Не только веранды. Холла.

Она вынула конверт. На первом снимке стояла сама — лет восьми, с двумя короткими косичками, в шерстяных колготках, съехавших складками к ботинкам. Отец держал её за плечи. За их спинами поднималась лестница, ещё без дешёвых пластиковых панелей.

Вера перевернула снимок, прежде чем успела решить, хочет ли его показывать.

— Вот. Начало двухтысячных.

Воронцов взял фотографию за самый угол. Она почему-то заметила это движение.

Подошёл инженер — плотный, седоватый, с маленьким фонарём на ремне. Вера объяснила всё сначала, уже без раздражения. Он выслушал, заглянул в щель, попросил у рабочего отвёртку и несколько минут разговаривал только с ним. Ни Вера, ни Воронцов в этот разговор не вмешивались.

— Эту часть пока не трогаем, — сказал инженер наконец. — Нужно иначе заходить. Я добавлю схему. Хорошо, что не успели снять верх.

— Успели бы, если бы не девушка, — заметил рабочий.

Вера почувствовала, как глупо отозвалось в груди это простое подтверждение.

— Вера Павловна, — сказал Воронцов рабочему. И ей: — Фотографию можно отсканировать?

Она кивнула.

Тамара принесла три чашки на старом подносе. Одна была с надписью «Лучшему администратору», две — одинаковые белые, с едва заметной полосой у края. Вера помнила такие чашки в столовой. В них подавали жидкий какао, а по большим праздникам — мороженое.

— Вы надолго? — спросил Александр.

— До завтра.

— Тогда сегодня во сколько сможете поговорить?

— О чём?

Он вернул фотографию в конверт.

— О том, что здесь можно оставить. И сколько это будет стоить.

Слово «стоить» вернуло Веру в холл с мешками для мусора и жёлтой лентой. За окнами проехал рейсовый автобус. Стекло дрогнуло в раме.

— Смотря что вы хотите получить, — сказала она.

— Работающую гостиницу. Или честный ответ, почему её здесь больше не будет.

Тамара Ильинична перестала размешивать чай.

Вера посмотрела на коробку. Её можно было закрыть, отвезти матери, а завтра сесть в поезд. В Москве ждали два объекта, Кира, привычные магазины возле дома. Там не нужно было объяснять, что птицы под лестницей что-то держат, даже если на самом деле ничего не держат.

— Завтра утром, — ответила она. — Сегодня мне нужны ваши исходные документы.

Воронцов взял телефон.

— Куда отправить?

Она продиктовала рабочую почту. Он повторил адрес, и Вера впервые услышала, как её имя звучит в его голосе без вопроса о том, кто она такая.

Глава 2. Квартира, в которой всё иначе

Мать открыла дверь с кусочком малярной ленты на рукаве.

— Только не прислоняй коробку к стене, — сказала она вместо приветствия. — Там ещё не высохло.

Вера остановилась на пороге. Коробка с отцовскими папками съезжала с чемодана, ремень сумки давил на плечо. Всё утро она представляла, как поставит вещи в прихожей, обнимет мать и наконец перестанет куда-то ехать. Теперь выяснялось, что поставить вещи негде.

У стены стояли две табуретки, застеленные газетами. Между ними лежала снятая дверца шкафа. Зеркало завесили старой простынёй, а знакомый коричневый комод стал серым.

— Ты ремонт делаешь?

— Комод крашу. Ремонт — это когда потом месяц убирают.

Марина Сергеевна забрала у неё сумку, поставила на кухне и вернулась обнимать. От неё пахло мылом, краской и чем-то горячим, с луком. Вера уткнулась ей в плечо, стараясь не задеть ленту щекой.

— Ты бы сказала. Я помогла бы.

— Вот сейчас и поможешь. Дверцу надо будет перевернуть. Есть будешь?

— Буду.

— Тогда мой руки.

Мать ушла к плите. Вера протиснулась мимо табуреток и понесла коробку в свою комнату.

Первым делом она увидела стол. Он стоял у другой стены. На месте её старого кресла помещалась швейная машинка в белом чехле, а над ней висела узкая полка с коробочками. Книжный стеллаж остался прежним, но на двух средних полках появились отрезы ткани. Сложенные аккуратными прямоугольниками, они смотрелись так, будто жили здесь всегда.

Вера поставила коробку на пол и подошла к окну. На подоконнике сушились кисти. За стеклом по-прежнему был двор с ржавой качелей, только вместо большой берёзы выросло ничем не заполненное место.

— Берёзу убрали?

— В июне, — отозвалась мать. — Она на провода падала.

— Я не знала.

— Я тебе говорила. Ты тогда была на объекте, у вас там что-то залили.

Вера вспомнила тот разговор: телефон у уха, чужая вода на новом паркете, заказчик, который ходил за ней из комнаты в комнату. Мать рассказывала про дерево, а она отвечала «угу», не представляя ни дерева, ни двора.

На столе лежал лист с выкройкой рукава. Вера приподняла угол, чтобы поставить ноутбук.

— Не двигай пока, я там ещё не всё перенесла, — сказала мать из дверей. — Тебе на кухне удобнее будет. Тут лампа плохая.

— Ты теперь шьёшь?

— Пытаюсь. У Гали получается, у меня пока рукава разной длины.

— А мои вещи где?

— В нижнем ящике. Книги я не трогала.

Вера выдвинула ящик. Внутри лежали её университетские тетради, пенал с засохшими линерами, шарф, который она несколько лет собиралась забрать. Сверху — деревянная линейка с выжженной фамилией.

Отец подписал её, когда Вера пошла в первый класс. Буква «В» получилась слишком большой, и фамилия не поместилась до конца. «Соколова В» превратилось в «В. Соколо», а отец сказал, что так даже лучше: международный архитектор.

Она провела пальцем по тёмному углублению.

— Я могу машинку убрать, — сказала мать.

— Зачем?

— Ты стоишь так, будто я сдала твою комнату.

Вера подняла голову. Мать смотрела без обиды, но и оправдываться больше не собиралась.

— Нет. Просто непривычно.

— Мне тоже сначала было. Суп стынет.

На кухне стояли две тарелки, хлеб и огурцы с неровно срезанными концами. Вера села на своё обычное место и вдруг поняла, что мать села напротив, туда, где прежде сидел отец. Раньше она этого избегала.

Марина Сергеевна пододвинула к ней сметану.

— Ну, забрала?

— Забрала. Там больше, чем я думала.

— Тамара говорила, много накопилось.

— Она говорила про одну папку.

— Если бы она сказала про коробку, ты бы приехала с двумя сумками и тележкой. Ешь.

Вера попробовала суп. Горячий, знакомый; язык на секунду обожгло, и от этого всё стало простым. Она взяла хлеб, отломила корку и только потом спросила:

— Ты знала, что гостиницу могут продать ещё раз?

— Знала, что новые хозяева считают деньги.

— Они купили её три месяца назад.

— Значит, считают три месяца.

Вера положила ложку.

— Мам.

— Что?

— Я серьёзно.

— Я тоже. Что ты хочешь, чтобы я сказала?

Из открытого окна донёсся звон посуды: у соседки этажом ниже тоже готовили ужин. Кто-то позвал ребёнка домой. Вера смотрела на круглое пятно света на материнской тарелке и подбирала вопрос, который не прозвучал бы обвинением.

— Тебе не жалко?

Мать медленно прожевала.

— Жалко. И ещё мне жалко Тамару, которая туда ходит, будто от её присутствия дом меньше пустует. И Сергея жалко, ему работу обещали, а когда она будет — неизвестно. Жалко бывает сразу нескольких вещей.

— Я не про это.

— А я про это тоже.

Вера вновь взяла ложку, хотя есть расхотелось. Она думала о белом крыле под обшивкой, о рабочих, которые держали тяжёлый лист и ждали, пока она договорит. Перед глазами вставало лицо Воронцова: раздражённое, потом внимательное, без ожидаемого желания немедленно её поставить на место.

— Они не всё знают про здание, — сказала она. — В документах есть ошибки.

— Ты им сказала?

— Да.

— Хорошо.

Мать не спросила, победила ли она. Вера поймала себя на том, что ждала именно этого вопроса.

Телефон зазвонил рядом с хлебницей. На экране было Кирино имя.

— Извини, мне надо.

— Я никуда не ухожу.

Вера ответила и поднялась из-за стола.

— Доехала? — спросила Кира.

— Да. Уже дома.

— У тебя последний план по квартире на Соколе есть? Они прислали размер короба. Он больше.

— Насколько?

Кира назвала размер. Вера закрыла глаза.

— Они же мерили неделю назад.

— Они мерили облицовку. А мы с тобой, видимо, должны были угадать, что внутри у неё ещё одна жизнь.

На фоне кто-то требовал показать розетку. Кира прикрыла микрофон ладонью, но Вера всё равно услышала: «Нет, сейчас не будем её переносить. Сначала поймём, где стоит шкаф».

— Ты ещё там?

— Как видишь. Пришли исходник, пожалуйста.

— Я сейчас посмотрю. Мы разве не положили в общую папку?

— Там вчерашняя версия. Ты после встречи двигала стенку.

Вера посмотрела на собственную сумку у холодильника. Вчера она действительно решила поправить узел вечером. Потом стала собираться, купила билет, искала зарядку. Файл остался на ноутбуке.

— Моя ошибка. Десять минут.

— Давай без десяти, если можешь. Я тут уже обещала ребёнку позвонить до ужина.

— Сейчас.

Она достала ноутбук, раскрыла его на краю кухонного стола и подвинула материнскую тарелку. Марина Сергеевна молча забрала тарелку сама.

Файл нашёлся сразу. Но, прежде чем отправить, Вера увидела собственную незавершённую пометку. При увеличенном коробе исчезал зазор у шкафа. Пришлось открыть соседнюю схему, проверить размер и позвонить Кире ещё раз.

Они обсуждали два решения. На шестой минуте Вера услышала в голосе коллеги ту особую ровность, которая означала, что Кира уже устала объяснять всем одно и то же.

— Выбираем второе, — сказала Вера. — Я внесу и отправлю заказчику.

— Мне сначала отправь.

— Конечно.

— Не «конечно». Ты сейчас далеко, а вопросы задают мне.

Вера замолчала. Потом сказала:

— Да. Тебе сначала.

Когда всё было закончено, суп стал холодным. Мать сидела у окна и отрезала ленту от рукава.

— Разогрею, — сказала Вера.

— Я уже поставила чайник.

— Ты из-за меня не поела.

— Поела. Ты не заметила.

Мать говорила без раздражения. Вера отвела глаза.

После чая они переворачивали дверцу комода. Мать держала за петли, Вера — за свободный край. На внутренней стороне сохранилось пятно от отцовской чашки: когда-то он положил дверцу на стол, подкручивал крепление и заодно пил чай.

— Тут тоже красить?

— Да.

Вера посмотрела на светлый круг.

— Может, оставить внутри? Всё равно никто не видит.

Мать проследила за её взглядом.

— Если хочешь, оставим. Только это пятно от воды, Вер. Я потом цветок на неё ставила.

Они обе замолчали, а потом мать неожиданно засмеялась. Вера попыталась удержать серьёзное лицо, но не смогла.

— Очень содержательная семейная реликвия, — сказала она.

— Цикламен, кажется. Погиб всё равно.

Вера смеялась уже открыто, сидя на корточках перед старым комодом. Мать передала ей валик.

— Вот этим вдоль. Только не дави, а то потечёт.

Она провела валиком один раз, второй. Пятно исчезло под краской. Ничего ужасного не произошло. Вера старалась запомнить это чувство, пока оно было доступно: можно сделать вещь другой и всё равно знать, кто к ней прикасался.

Позднее она перенесла коробку с архивом на кухню и разложила папки. Сверху были копии документов, ниже — кальки, свёрнутые не той стороной. Вера хотела сразу разгладить их, но мать принесла два тяжёлых альбома и предложила оставить на ночь.

— Не торопись, бумага старая.

— Я знаю.

— Знаю, что знаешь. Всё равно говорю.

На обороте одного листа обнаружился список: шурупы, пропитка, стекло, батарейка для часов. Последнее было подчёркнуто дважды. Вера смотрела на него дольше, чем на чертёж.

— Папа вообще когда-нибудь покупал нужную батарейку с первого раза?

— Ни разу. Зато дома был полный ящик ненужных.

Мать села рядом. Вера подвинула лист так, чтобы обеим было видно. Они не стали говорить о последней больнице и тех днях, когда отец уже не мог читать мелкий текст. Вместо этого вспоминали, как он перепутал коробки и подарил дяде Виктору набор дверных ручек вместо фонарика. Дядя Виктор два года уверял, что именно о таких и мечтал.

Над столом гудела старая лампа. На улице стало темно. Мать ушла застилать Вере диван, а она открыла почту.

От Александра Воронцова пришло письмо. Тема была деловой: «Материалы по объекту». Внутри — несколько файлов и короткая строка: «Отдельно отметил сведения, которые ещё проверяем».

Вера скачала план. В нём действительно были пометки. Не всюду, где нужно, но человек хотя бы не притворялся, что прислал окончательную истину.

Она открыла чистый лист, записала три вопроса. Потом ещё пять. Вспомнила узкую служебную дверь, тележку у лестницы, загороженный проход. Ей хотелось вернуться туда с рулеткой и посмотреть самой.

Желание оказалось настолько ясным, что она перестала его объяснять памятью об отце.

Из комнаты донеслось:

— Вер, простыня с резинкой куда длинной стороной? Я каждый раз не угадываю.

— Сейчас.

Она закрыла ноутбук, не дописав девятый вопрос, и пошла помогать. Вдвоём они натянули простыню с третьей попытки. Потом мать принесла вторую подушку, хотя Вера всегда спала на одной, и поставила у кровати стакан воды.

— Завтра ты когда?

— Сначала в гостиницу. К девяти.

Марина Сергеевна кивнула.

— Пирожки будут. Возьмёшь, если успею.

Вера села на диван. С этого места комната выглядела почти прежней: тот же стеллаж, квадрат света из прихожей, за окном чужой телевизор. Только белый чехол машинки светился там, где раньше стояло её кресло.

— Мам.

— Что?

— Машинку не убирай.

Мать посмотрела на неё, затем погасила верхний свет.

— А я и не собиралась. Спокойной ночи.

Вера легла и услышала, как на кухне скрипнул стул. Мать тоже не сразу пошла спать. У каждой из них были дела, о которых другая пока мало знала.

Глава 3. Тридцать дней

На переговоры Вера принесла четыре страницы замечаний и два пирожка с капустой.

Пирожки дала мать. Отказ принять еду перед серьёзным разговором Марина Сергеевна считала поступком человека, который ещё не пожил на свете. Вера согласилась только ради того, чтобы не обсуждать это в прихожей.

В гостинице пахло кофе. Воронцов сидел за столом у окна в бывшем кабинете управляющей. Стол был большой, тяжёлый, с проваленным кожаным покрытием; на нём лежали ноутбук, план здания и пакет из булочной.

— Вы завтракали? — спросил он.

Вера молча показала бумажный свёрток.

— Тогда начинаем с документов.

Она села напротив. На плане красным были выделены коридоры и лестница. Участок, где вчера обнаружились птицы, уже обвели отдельно.

— Сразу скажу: я не специалист по конструкциям. Нужно независимое обследование.

— Денис Орлов его делает.

— Полное?

— В рамках согласованного задания. Если чего-то не хватает, объясните чего.

Она положила на стол замечания.

Александр прочитал первую страницу, затем вторую. Не торопил её, не листал телефон. Только однажды провёл ладонью по затылку, когда дошёл до отсутствующих сведений о перекрытиях в боковом крыле.

— Давайте теперь вы, — сказала Вера. — Почему здесь вообще обсуждают продажу? Вы только что купили.

— Три месяца назад. Часть сведений о состоянии здания была слишком оптимистичной.

— Вас обманули?

— Мы недостаточно проверили. Это точнее.

Ответ не подходил к образу человека, который во всём обвиняет предыдущего владельца. Вера сделала пометку, хотя записывать там было нечего.

Александр открыл папку с финансовой моделью.

— У компании два участника. У меня шестьдесят процентов, у Романа Киреева сорок. На работы и запуск отложено восемнадцать миллионов шестьсот тысяч. Покупка здания — отдельная история, в эту сумму не входит. Первый вариант восстановления сейчас оценивают почти в двадцать восемь.

Вера подняла глаза.

— Сколько номеров?

— Восемнадцать. Столовая, общий зал. Всё, что здесь было.

— Включая веранду?

— Включая её. Но это предварительный расчёт. Мы ещё не знаем, что покажет обследование.

За дверью что-то упало, и Тамара Ильинична сказала короткое слово, которого Вера не слышала от неё с подростковых лет. Александр закрыл дверь и вернулся к столу.

— Есть покупатель. Предлагает забрать объект целиком. У него другая модель, с небольшими апартаментами. До тридцатого сентября предложение действует.

— А потом?

— Потом он не обязан ждать. И мы остаёмся с закрытой гостиницей и расходами.

— То есть тридцать дней.

— Уже двадцать девять. Один вы потратили на моё перевоспитание.

Она посмотрела на него поверх очков.

Он не улыбался, но уголок рта чуть дрогнул.

Вера развернула свой лист. За ночь она успела сделать очень грубую схему, годную лишь для разговора: убрать бессмысленный длинный коридор у служебного входа, вернуть свет общему залу, иначе расположить хозяйственные помещения.

— Я не могу обещать вам гостиницу за вашу сумму, — сказала она. — И точно не могу обещать ремонт за месяц.

— Я этого не прошу.

— Могу подготовить вариант, который имеет смысл считать. С обследованием, с ограничениями. Может оказаться, что смысла нет.

— Такой ответ тоже работа.

Она задержала ладонь на листе, не отдавая.

— Тогда сразу условия. Мои предварительные схемы нельзя показывать как утверждённый проект. Любые изменения, которые идут под моим именем, я согласовываю сама.

Александр посмотрел на её руку.

— Разумеется.

— Не разумеется. Отдельным пунктом.

Он достал ручку, записал. Не стал спрашивать, кто и когда сделал её такой подозрительной. Вера была ему за это благодарна.

— Что ещё?

— Доступ ко всем исходным данным. И к разговорам, которые меняют задание. Если вы договариваетесь об арендаторах или другом использовании помещений, я узнаю об этом до того, как нарисую третий вариант.

— Хорошо. А с вашей стороны?

— В смысле?

— Если выяснится, что красивую часть здания нельзя сохранить в прежнем виде, вы не будете прятать заключение в нижний ящик.

Она чуть откинулась на спинку стула.

— Я архитектор.

— Я вчера понял. И всё-таки вы приехали за чертежами отца.

За окном женщина в зелёной куртке долго пыталась закрыть зонт. Вера смотрела, как ткань застревает между спицами, и чувствовала, что злится не совсем на Воронцова. В его вопросе было достаточно правды, чтобы нельзя было просто обидеться.

— Не буду, — сказала она. — Но право спорить с первым выводом оставлю.

— Спорьте. Только с аргументами.

Они перешли к объёму работы. Вера назвала сумму, заранее приготовившись к торгу. Александр уточнил, что в неё входит, и вычеркнул один пункт: рекламные визуализации не нужны, пока нет обоснования. Вместо них добавили подробное задание для подрядчиков.

Сто восемьдесят тысяч за её работу и помощь бюро. По шестьдесят: после заключения договора, после промежуточного этапа и после передачи итоговых материалов. Обследование, обмеры и сметчик оплачивались отдельно. Вера подчеркнула это дважды.

— Вы боитесь, что я заставлю вас оплачивать инженера? — спросил Александр.

— Я боюсь забыть спросить.

— Полезный страх.

Когда они наконец открыли еду, пирожки успели отсыреть в бумаге. В булочной Александру продали круассаны, которые осыпали стол при малейшем прикосновении.

— Ваша мать печёт? — спросил он.

— Да.

— С капустой?

Вера подвинула ему один пирожок.

— Это не часть гонорара.

— Я учту.

Он разломил пирожок над салфеткой. На большом пальце у него был свежий порез, заклеенный узким пластырем. Вера поймала себя на том, что следит за его руками, и вернулась к последней странице.

После встречи она вышла во двор и позвонила Кире.

— Ты уже в поезде? — спросила та вместо приветствия.

— Пока нет.

— Так. Насколько «пока»?

Вера присела на край сухой клумбы. На другой стороне двора рабочий счищал старое объявление с двери. Под ним проступало ещё более старое: «Банкетный зал. Свадьбы, юбилеи».

— До конца месяца.

Кира помолчала.

— Наши два объекта сами себя не дорисуют.

— Я знаю. Заказ платный. Часть обмеров отдадим, на рабочую документацию пока не подписываемся. Я буду на связи каждый день. В Москву при необходимости приеду.

— Ты это уже решила или звонишь решать вместе?

Вера закрыла глаза. Они работали вдвоём третий год. Кира никогда не повышала голос, и оттого её спокойные вопросы иногда действовали хуже крика.

— Решать вместе, — сказала Вера. — Извини. Я увлеклась.

Они двадцать минут переставляли задачи. Договорились о сумме бюро, о двух вечерах на московские чертежи, о человеке, которого можно привлечь к обмерам. К концу разговора сентябрь перестал казаться пустым листом, на котором Вера имела право написать только свою историю.

— И ещё, — сказала Кира. — Если это спасение мира за чужой счёт, я первая приеду тебя забирать.

— Там нет мира. Только гостиница.

— Обычно с этого начинается.

К трём часам Александр прислал договор. Вера открыла его на ноутбуке матери, попросила исправить две формулировки и дождалась новой версии. Срок работы включал проведённый накануне осмотр. Предварительные материалы могли передаваться третьим лицам только с её письменного согласия и с указанием их действительного статуса.

Она перечитала этот пункт ещё раз.

Потом подписала документ и отправила.

Ответ пришёл через семь минут.

«Получил. Завтра в девять Денис будет на месте. Ключ оставил Тамаре Ильиничне».

Вера подошла к окну. Между домами была видна река — узкая серая полоска, совсем не похожая на широкую летнюю воду из её памяти.

Мать появилась в дверях с пустым противнем.

— Всё-таки остаёшься?

— На тридцать дней.

Марина Сергеевна посмотрела на чемодан, который дочь ещё не распаковала.

— Тогда вешалки в верхнем шкафу. И не работай на кухне до утра. Я всё равно просыпаюсь от света.

Глава 4. Что держит крышу

Рабочий ключ был удивительно лёгким.

Первые шестьдесят тысяч пришли накануне вечером. Вера передала Кире согласованную часть бюро и убрала банковское уведомление в рабочую папку вместе с договором.

Вера помнила другую связку: тяжёлые латунные брелоки, каждый с выбитым номером. В детстве ей позволяли выдавать их гостям, если Тамара стояла рядом. Теперь на кольце висела маленькая пластиковая бирка: «Служебный». Для входа в дом, который она собиралась защищать, хватало одного обыкновенного ключа.

Денис Орлов ждал в холле. Он протянул ей каску и спросил размер обуви.

— У меня свои ботинки, — сказала Вера.

— Это я вижу. На втором этаже есть участок с открытым полом. Туда не ходим. Веранду сначала смотрим снаружи. Если хотите что-то открыть или подвинуть, говорите мне.

Она кивнула. Ей понравилось, что он не начал объяснять, где у здания стены.

Они поднялись по служебной лестнице. Здесь сохранилась зелёная краска в два слоя, а на площадке — выцветшее объявление: «С тринадцати до пятнадцати тихий час». Вера остановилась возле него.

— У вас тут санаторий был? — спросил Денис.

— Нет. Тамара Ильинична очень любила тишину после обеда.

— В гостинице?

— Она и сейчас считает, что людям полезно.

Денис усмехнулся и открыл дверь номера.

На полу остался светлый прямоугольник от кровати. Обои потемнели возле окна; на подоконнике лежали две мёртвые мухи. Вера провела ладонью над стеной, не касаясь её, и представила, где раньше стоял шкаф. В этих комнатах она никогда не жила. Ей всегда хотелось пожить — приехать чужим человеком, получить чистое полотенце, смотреть на реку без домашних обязанностей.

Теперь она измеряла ширину дверей и записывала отметки.

Александр присоединился к ним через полчаса. В руках у него был бумажный стаканчик и рулон мешков для мусора.

— Тамара просила передать, — сказал он, когда Вера посмотрела на рулон. — Не знаю, зачем именно мне.

— Потому что вы шли сюда, — объяснила она.

— Простое решение. Стоило догадаться.

Он оставил мешки на площадке и пошёл с ними. Не вмешивался в измерения. Когда Вере понадобилось придержать дверь, придержал; когда Денис попросил освободить проход, отошёл. Вчера она мысленно приготовилась к хозяину, который будет показывать пальцем и задавать вопрос «а нельзя подешевле?» каждые десять минут. Этот пока задавал другие.

— Если объединить два номера, получится нормальный семейный?

— Возможно. Но тогда их станет меньше.

— Я умею считать до восемнадцати.

— А некоторые собственники очень не любят считать в обратную сторону.

— Я тоже не люблю. Поэтому спрашиваю заранее.

Они прошли к окну, выходившему во двор. За ним лежала крыша веранды — плоская, тёмная, с небольшой лужей возле края. Под навесом ещё стояли столы. С одного свисал оборванный угол клеёнки.

Вера невольно задержалась.

Отец любил эту веранду сильнее, чем большой зал, где ему почти ничего не дали изменить. Он придумал стойки, рисунок перил, широкий проход между столами. На фотографии после открытия стоял у входа в нелепом светлом костюме, который мать потом долго пыталась отстирать от машинного масла. Зачем на празднике понадобилось масло, Вера уже не помнила. Надо будет спросить у матери.

— Спустимся, — сказал Денис.

Во дворе пахло мокрой землёй. За забором кто-то заводил моторную лодку; мотор кашлянул, заглох, потом заработал ровно.

Денис осмотрел край настила. Позвал сотрудника с инструментом, уточнил несколько размеров. Вера стояла рядом с Александром и следила за тем, как меняется выражение лица инженера. Оно почти не менялось, что тревожило сильнее любого вздоха.

— Здесь потребуется вскрытие ещё в двух местах, — сказал он наконец. — И отдельно проверим опоры. На старый настил пока никого не пускаем.

— Насколько плохо? — спросил Александр.

— Плохо настолько, чтобы не отвечать вам по внешнему виду.

Денис показал Вере участок тёмной древесины и объяснил, что хочет проверить. Она слушала, задавала вопросы. После каждого ответа желание защитить веранду становилось менее удобным. Раньше она спорила с чужой волей. Теперь перед ней лежал материал, которому было всё равно, кто его проектировал.

— А если менять повреждённое последовательно? — спросила она.

— Сначала выясним, что именно менять. Потом сравним восстановление и новое решение. Мне сейчас нечего обещать.

Когда он отошёл позвонить, Александр сунул руки в карманы.

— Вы знали, что она в таком состоянии?

— Нет.

— Вы давно здесь были?

— Внутри — до закрытия. Ещё когда отец был жив, приезжала чаще.

Она услышала собственный ответ и почувствовала знакомый укол: могла бы приезжать, могла бы заметить, могла бы сделать что-нибудь до того, как закрыли двери. Хотя тогда у неё не было ни полномочий, ни денег, ни причины считать, что за всем должна следить именно она.

— Я не спрашивал, почему вы не спасли её раньше, — сказал Александр.

Вера повернула голову.

Он смотрел на лужу под водостоком.

— Просто хочу понимать, какие сведения у нас есть.

— Я привезу отцовские эскизы.

— Хорошо.

— И попрошу ещё одного специалиста посмотреть варианты восстановления. После заключения Дениса. Не вместо него.

— Сколько это стоит?

Вот теперь он спросил именно то, чего она ждала.

Вера назвала предполагаемый порядок суммы и сразу оговорилась: нужно уточнять. Александр достал телефон, открыл заметку и записал.

— Пришлите предложение. Решим сегодня.

Она не успела скрыть удивление.

— Вы ждали, что я скажу «снести»? — спросил он.

— Ждала.

— Мне тоже хотелось бы один раз проверить как следует.

Тамара вынесла во двор деревянный ящик с цветочными горшками. Увидев ленту, которой рабочий ограждал ступени, остановилась.

— Там ещё кресла остались.

— Заберём после того, как Денис скажет, откуда можно подойти, — ответил Александр.

— Они хорошие. Из зала бы туда тоже…

— Тамара Ильинична.

Он произнёс её имя без повышения голоса. Она посмотрела сначала на него, потом на Веру.

— Да, — сказала Вера. — Пока туда не надо.

Тамара поправила край салфетки, которой был накрыт ящик.

— Поняла. Горшки тогда здесь оставлю.

Она ушла, и Вере стало тяжело от того, как легко взрослые люди могут выглядеть одинокими, если им не разрешают забрать привычную вещь.

Александр подождал, пока за Тамарой закроется дверь.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что сказали ей.

— Вы тоже могли.

— Мог. От вас она услышала.

Вера посмотрела на веранду. На среднем столбе, чуть выше перил, сохранилась маленькая выемка. Отец сделал её случайно, когда показывал ей, как держать инструмент. Потом они спорили, похожа она на звезду или на раздавленного комара.

Она почти протянула руку, хотя стояла далеко.

Вместо этого достала телефон и сфотографировала столб.

— Что там? — спросил Александр.

— Ничего для сметы.

Он кивнул и не стал просить объяснить.

В кабинете Вера внесла в рабочий файл первое серьёзное ограничение: «Веранда. Решение после обследования. Сохранение существующих конструкций не подтверждено».

Потом перечитала фразу и оставила её без исправлений.

Глава 5. Номер для одного

На четвёртый день Вера попросила показать ей гостиницу, в которой кто-нибудь жил.

Александр оторвался от экрана.

— В смысле?

— В прямом. Мы второй час двигаем бельевую. Я хочу посмотреть, как у вас работают люди. Не по фотографиям с пустыми кроватями.

Он посмотрел на часы.

— Я еду в соседний город. Там наш небольшой отель. Можете со мной, если часа четыре свободны.

Вера уже хотела ответить, что свободны, но остановилась и открыла календарь. Кира прислала вопросы по московской квартире на вечер. Ещё нужно было принять обмеры, обещанные Денисом.

— До шести я должна вернуться.

— Успеем.

— Александр.

Он поднял голову.

— Обратная дорога час. В четыре выезжаем, — сказал он после паузы. — Если задержусь, вызову вам машину. Так подойдёт?

— Подойдёт.

В машине пахло кофе и новым картоном. На заднем сиденье лежала коробка дверных доводчиков. Вера пристегнулась, убрала сумку с колен, снова подняла: в ногах обнаружились резиновые сапоги.

— Извините, — сказал Александр. — Я обычно езжу один.

Он вышел, перенёс сапоги в багажник и вернулся. Вера почему-то заметила, что он не пытался объяснить, зачем они там. Просто убрал.

Из города выезжали мимо школы. У ворот толпились дети с огромными рюкзаками; женщина с букетом пыталась одновременно закрыть зонт и поймать за рукав мальчика.

— Вы здесь учились? — спросил Александр.

— Нет, дальше. Наша школа теперь объединена с этой.

— И ваша лучше?

— Разумеется. Мы же там были.

Он улыбнулся, глядя на дорогу. Вера положила локоть на подлокотник и тут же убрала: Александр переключал передачу. Они оба неловко подвинулись, хотя места хватало.

Первые двадцать минут говорили о работе. Он объяснял, как меняется загрузка по сезонам, она спрашивала про людей на смене. Когда Вера спросила, кто принимает ночные решения, Александр ответил:

— Обычно звонят мне.

— Все?

— Не все. Зависит от решения.

— А если вы спите?

— Просыпаюсь.

Она посмотрела на него. Под глазами были тени, которых в тёмном гостиничном кабинете она не замечала.

— Дорогая система управления.

— В смысле?

— Если главный запасной инструмент — ваше отсутствие сна.

— Пока работает.

Вера отвернулась к окну. На обочине женщина продавала яблоки в пластиковых вёдрах. За ней начиналось поле, уже тёмное после уборки. Александр переключил передачу и посмотрел на телефон, лежавший экраном вниз. Вера удержалась от следующего вопроса.

Отель оказался двухэтажным зданием возле сквера. На вывеске было написано «Уездный». Никакого величия, колонн или зеркального фасада: светлая штукатурка, широкое крыльцо, три горшка с петуниями, которые ещё держались из последних сил.

В холле было тепло и пахло свежим бельём. У стойки лежал забытый ребёнком маленький трактор. Вера едва не наступила на него.

Женщина в синей блузке вышла из-за двери с табличкой «Для персонала».

— Наконец-то, — сказала она. — Доводчики привезли?

— В машине. Светлана, это Вера, архитектор. Мы работаем по «Ласточке».

— Очень приятно. Я бы пожала руку, но у меня крем, — сказала Светлана, показывая ладони. — От этого порошка опять кожа. Хотите посмотреть номера?

— Прежде всего, как у вас всё устроено.

— Тогда пойдёмте к белью. Гости хотя бы иногда не приезжают, а оно всегда есть.

Александр хотел что-то сказать, но у стойки появились двое: седая женщина в ярком шарфе и мужчина с чёрным футляром через плечо. Женщина опиралась на ручку чемодана.

— Мы звонили насчёт первого этажа, — сказала она.

Светлана вернулась к компьютеру. Вера отошла в сторону, освобождая проход.

— Вижу примечание. Вы на две ночи?

— Да. У нас завтра выступление в библиотеке.

Мужчина поправил футляр, и Вера поняла, что внутри, вероятно, инструмент.

— У нас на первом этаже один номер сейчас ещё убирают, — сказала Светлана. — Придётся подождать минут двадцать. Можем предложить чай.

— Так у нас второй этаж свободен, — вмешался Александр. — Большой номер. Давайте без доплаты.

Женщина посмотрела на него с усталостью человека, которому уже предлагали что-то лучшее.

— Мне не нужен большой.

— Он будет удобнее, там отдельная гостиная.

— Саша, — тихо сказала Светлана.

Женщина чуть подняла край брюк. На щиколотке был ортез.

Александр замолчал.

— Первый этаж, — сказала женщина. — Я поэтому и звонила. Подожду.

Мужчина снял футляр и поставил возле кресла. Светлана принесла воду, придвинула второе кресло и спросила, нужно ли подложить что-нибудь под ногу. Всё это она сделала без суеты, будто исправление чужой неловкости входило в обычный распорядок дня.

Александр подошёл к женщине ещё раз.

— Извините. Я не уточнил.

— Бывает, — сказала она и достала из сумки книгу.

Он вернулся к стойке и несколько секунд смотрел на монитор.

— Доводчики разгружу, — сказал он наконец.

Вера пошла со Светланой по коридору. За дверью бельевой оказалось тесно. Полки стояли почти до потолка, у стены сушились две мокрые тряпки, на нижней полке лежали отдельно сложенные наволочки с цветными метками.

— Почему разные?

— Подушки меняли не все сразу. Чтобы девочки не пытались натянуть маленькое на большое. В каталоге всё одинаковое, пока не начинаешь работать.

Вера записала.

Светлана показала путь грязного белья, место для тележки, розетку, к которой неудобно подключать пылесос. Потом открыла дверь маленькой комнаты с чайником и круглым столом.

— Здесь едим. Если у вас будет возможность, не делайте комнату персонала без окна. Тут к двум часам не понимаешь, утро ещё или уже завтра.

У стола стояли три разных стула. На одном лежала кофта, аккуратно сложенная так, чтобы не занимать чужое место. На стене висел детский рисунок: очень большой дом и четыре человека, которые держались за руки.

— Ваш?

— Дочкин. Это мы с ней и два администратора. Я сначала тоже думала, что семья.

Светлана засмеялась. Вера улыбнулась не сразу.

— Сколько ей?

— Девять. Она уверена, что я тут живу.

Они пошли в свободный номер. Там было именно то, что обычно фотографируют: ровное покрывало, лампы по обеим сторонам кровати, чашки ручками в одну сторону. Вера села на край, достала телефон и попыталась подключить зарядку.

Розетка оказалась за тумбой.

Светлана смотрела с таким выражением, будто ждала этот момент.

— Вот. На картинке красиво. А ночью люди ползают.

Вера опустилась на корточки, заглянула за тумбу. Потом выпрямилась и сделала пометку.

— У нас на одном объекте похоже, — призналась она.

— Тогда вы понимаете.

Она понимала слишком хорошо. В проекте тумба была другой ширины. Потом заказчик купил понравившуюся, и Вера посчитала, что ничего страшного. Стыд был неприятным, но полезным: она достала телефон и написала Кире, чтобы проверить этот узел до установки мебели.

Александр нашёл их в коридоре. На рукаве у него была полоса пыли от коробки.

— Как успехи?

— Я узнала, почему архитекторам полезно иногда заряжать телефон в собственных интерьерах.

— Ничего хорошего про меня не говорила? — спросил он у Светланы.

— Берегу на следующий приезд. Саша, нам нужно решить по подмене на субботу.

Он посмотрел на часы.

— Давай потом созвонимся.

Светлана не двинулась с места.

— Мы потом созваниваемся с понедельника. Если сегодня не подтвердим, человек возьмёт другую смену.

— Там же Оксана.

— У Оксаны ребёнок болеет. Я присылала.

Александр потёр переносицу.

— Хорошо. Сколько?

Она назвала сумму. Он кивнул, но Светлана продолжала смотреть.

— Напишите, пожалуйста, в чате. Чтобы я могла подтвердить.

Он достал телефон. Вера отвела глаза к окну: разговор не предназначался ей, хотя стоять было больше негде.

После этого Светлана повела их к выходу и ещё раз напомнила о сломанной ручке подсобки. Александр ответил, что мастер приедет завтра. Она спросила, кто именно и во сколько. Он позвонил при ней.

В машине он некоторое время не заводил двигатель.

— Я сейчас выглядел человеком, который вообще ничего не знает про собственную гостиницу?

Вера пристегнулась.

— Вы хотите честный ответ?

— Уже не уверен.

— Вы знали про большой номер. Но женщина хотела маленький на первом этаже.

Он выдохнул и коротко усмехнулся.

— Очень дипломатично.

— Я архитектор. Могу нарисовать.

На этот раз он засмеялся по-настоящему. Смех удивил её: низкий, свободный, совсем не похожий на его деловые ответы. Вера посмотрела в окно, чтобы не разглядывать его слишком явно.

На обратной дороге они попали к перекрытому участку. Рабочий в оранжевом жилете махнул в объезд. Александр съехал на боковую дорогу, и навигатор немедленно прибавил двадцать две минуты.

— До шести всё равно будем, — сказал он.

— Я вижу.

Он убрал руку от телефона, где уже собирался что-то проверять.

Дорога пошла между деревнями. В одной из них у магазина стоял стол с пирогами. Вера посмотрела на него дольше необходимого.

— Остановиться?

— Не надо.

Александр проехал ещё метров десять, затем повернулся к ней.

— Я сам хочу есть. Это достаточная причина?

— Вполне.

Они купили два куска пирога с картошкой и стаканчики чая. Продавщица спросила, не нужны ли салфетки, и Вера, уже державшая пирог обеими руками, сказала, что очень нужны.

Сели на деревянную скамью сбоку от магазина. Под ней спала собака с седой мордой. Александр осторожно поставил ноги так, чтобы не наступить на хвост.

— Светлана у вас давно? — спросила Вера.

— Пять лет.

— Вы ей доверяете?

— Конечно.

— Тогда почему всё надо подтверждать у вас?

Он посмотрел на пирог.

— Не всё.

Вера ждала. На дороге проехал трактор; собака приоткрыла один глаз и опять закрыла.

— Часть вещей так и осталась с самого начала, — сказал Александр. — Когда я был там каждый день. Потом объектов стало больше.

— А привычки остались прежними.

— Вы со всеми заказчиками так разговариваете?

— Только когда они кормят меня пирогом.

— Надо было молча довезти.

Он произнёс это без раздражения. Вера откусила ещё кусок, обожглась начинкой и не успела скрыть гримасу. Александр протянул ей воду. Салфетку он не предложил — у неё была своя, — и почему-то именно эта мелочь показалась ей приятной.

Вера подумала, что слишком много за день замечает про его руки.

Обратно ехали почти молча. Он включил радио, где спорили о футбольном матче, и спросил, не мешает ли. Вера покачала головой. Ей было удобно сидеть рядом, смотреть, как свет

ложится на приборную панель, и не поддерживать разговор только потому, что молчание якобы требует объяснения.

У дома Александр помог достать сумку из машины. Из соседнего подъезда вышла женщина, которую Вера помнила ещё со школы. Та остановилась, поздоровалась и очень внимательно посмотрела на Александра.

— По работе, — зачем-то сказала Вера.

Женщина кивнула с таким пониманием, что стало хуже.

Когда она ушла, Александр спросил:

— Мне тоже надо было предъявить документы?

— Лучше сразу договор.

— Он у вас.

Вера засмеялась. Он стоял рядом с открытой дверью машины, держа её за верхний край, и не торопился садиться.

— Спасибо за поездку, — сказала она.

— Вам Светлана спасибо скажет, если в новой бельевой можно будет развернуть тележку.

— Я уже переделываю.

Он кивнул. Вера подняла сумку на плечо, но задержалась ещё на секунду.

— И я не считаю, что вы ничего не знаете про гостиницу.

— Это утешение напоследок?

— Нет. Просто вы спросили, а я ответила только наполовину.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Тогда спасибо за вторую.

Дома она отправила Кире фотографии розетки и короткую записку с предложением перенести её до установки мебели. Потом закрыла ноутбук и вовремя позвонила по московскому объекту.

Чуть позже пришло сообщение от Александра: «Светлана утвердила подмену. Доехали вовремя».

Вера перечитала последнюю фразу. Ей не требовался отчёт: она сама вышла из его машины пять минут назад. Она написала: «Да. И телефон теперь можно зарядить».

Ответ пришёл почти сразу: «Это уже следующий этап улучшений».

Она положила телефон экраном вниз, но улыбка осталась. Мать, проходя мимо с постиранной наволочкой, ничего не спросила.

Глава 6. Чужие планы

Мать переложила Верин ноутбук с кухонного стола на холодильник.

— Мам.

— Там ему будет спокойнее.

— Я работаю.

— Ты вчера работала. Сейчас я накрываю завтрак.

Вера посмотрела на часы. Без десяти восемь. За последние два дня она привыкла вставать раньше будильника: сначала слушала, как мать гремит ложками, потом доставала телефон и читала сообщения, пока буквы не начинали расплываться.

Марина Сергеевна поставила на стол тарелку с сырниками, варенье и две чашки. На ней была новая синяя кофта, которой Вера раньше не видела.

— Ты куда-то идёшь?

— В музей.

— В наш?

— А что с нашим не так?

— Ничего. Просто…

— Просто он тоже существует, пока ты в Москве. Сегодня выставка тканей. Мы с Галиной договорились.

Вера взяла сырник. Ей стало стыдно за собственное удивление, словно мать должна была пять лет сидеть в этой кухне и ждать её приезда.

— Я вечером продукты куплю.

— Купи, если хочешь. Только позвони. У меня уже есть продукты.

Они ели молча, и молчание не было сердитым. На подоконнике стояли три горшка с рассадой комнатных цветов; возле них лежал билет в музей, распечатанный на обычной бумаге. Вера заметила, что мать впервые купила билет через интернет сама.

— У тебя с этой гостиницей всерьёз? — спросила Марина.

— Договор на месяц.

— Я не о договоре.

— А о чём?

Мать вытерла нож о край хлеба.

— Ты вчера три раза сказала «мы с папой». Когда говорила о веранде.

Вера положила вилку.

— Потому что мы её помним.

— Я тоже её помню.

— Ты против, чтобы её сохранили?

— Я ещё ничего не сказала про сохранить.

С улицы донёсся сигнал машины. Марина быстро посмотрела на телефон и встала.

— Галя приехала. Посуду оставь, я потом помою.

— Я помою.

— Хорошо. Ноутбук сними сама. Я туда его еле подняла.

Она ушла, оставив Веру с сырниками и вопросом, на который та не успела ответить.

В гостинице Тамара Ильинична разбирала бельё.

Стопки лежали в коридоре на длинных столах: простыни с жёлтыми пятнами, новые пододеяльники в упаковках, махровые полотенца, потерявшие мягкость ещё до закрытия. Вера подошла помочь.

— Это выбрасывать?

— Это в приют. Если им нужно. Я позвоню сначала.

— А эти?

— Эти списать. Если из трёх рваных сшить одно целое, получится ровно столько работы, сколько я больше не хочу делать.

Тамара говорила спокойно, складывая угол к углу. Вера вспомнила её в прошлом: стойка, телефон, ключи, чужие требования, постоянное «сейчас». Ей прежде не приходило в голову, что за этим «сейчас» стояли сотни маленьких решений, на которые не хватало ни денег, ни людей.

— Вы будете здесь работать, если откроются?

— Посмотрим.

— Я думала, вы этого и хотите.

— Хочу, чтобы открылись. Это не значит, что я хочу ещё десять лет вставать в шесть и искать горничную, если она заболела.

Вера держала в руках наволочку с криво зашитым углом.

— Мне казалось, вы без гостиницы не сможете.

— Верочка, я четырнадцать месяцев без гостиницы. Пока жива.

На время закрытия ей оплачивали хранение документов и хозяйственные дела. Дежурить круглые сутки этот договор не обязывал, но Тамара всё ещё приезжала чаще, чем требовалось.

Она улыбнулась, но Вера услышала усталость.

В соседнем кабинете разговаривали мужчины. Голоса были негромкими, дверь оставалась приоткрыта.

— Мне два дня в неделю больше не подходит, — сказал кто-то. — Там полный график предлагают.

— Понимаю, — ответил Александр.

— Я не то чтобы бросаю. Просто у меня платежи.

— Сергей, я понимаю. Если условия лучше, идите. За этот месяц рассчитаемся полностью.

— А кто у вас тогда будет?

— Найдём. Передадите ключи Тамаре Ильиничне и покажете, где перекрывать воду. По времени договоримся.

Из кабинета вышел невысокий мужчина с рабочей курткой под мышкой. Поздоровался с Тамарой, кивнул Вере и ушёл через служебную дверь.

Вера узнала Сергея: когда-то он чинил здесь краны и зимой расчищал дорожку. Отец называл его «человек, который знает, где лежит нужное».

Александр появился следом.

— Он уходит? — спросила Тамара.

— На станцию. Там постоянная работа.

— Хорошо, — сказала она после паузы. — Значит, у человека будет постоянная работа.

Александр посмотрел на стопки белья.

— Что отнести?

— Два мешка у двери. Только не те, где полотенца.

Вера взяла один из мешков, но он оказался тяжелее, чем выглядел. Она успела недовольно выдохнуть, прежде чем Александр придержал его снизу.

— Вдвоём, — сказал он. — Так проще.

Они вынесли мешок к машине Тамары. По дороге ткань зацепилась за дверную ручку. Вера дёрнула, Александр остановился, и несколько секунд они тянули в разные стороны, пока не посмотрели друг на друга.

— Я собиралась его отцепить, — сказала она.

— Я тоже.

— Тогда перестаньте помогать.

Он отпустил край. Мешок едва не сел ей на ногу; Александр снова подхватил его, и Вера неожиданно рассмеялась — коротко, от нелепости происходящего.

Он улыбнулся в ответ. С улыбкой лицо менялось: исчезала деловая жёсткость, возле глаз появлялись складки. Вера заметила их слишком внимательно.

У машины они поставили мешок на землю. Александр отряхнул руки.

— Вас расстроил уход Сергея?

— Он здесь давно.

— Поэтому ему ещё труднее ждать.

Она прислонилась к закрытой дверце.

— Вы всё время говорите так, будто я предлагаю всем жить воспоминаниями.

— А вы всё время слышите, будто я хочу забрать у вас прошлое.

Вера посмотрела на него. Ответ был готов — острый, удобный, позволяющий закончить разговор. Но из холла вышла Тамара с маленькой коробкой гостиничного мыла и спросила, куда его можно отдать.

Александр ответил ей. Вера дождалась, пока та уйдёт, и сказала:

— Я сегодня утром узнала, что мама ходит на выставки. Без меня.

Он не сразу понял.

— Это плохо?

— Нет. Вот именно.

Ей захотелось объяснить, как странно вернуться и обнаружить, что все продолжали жить. Но слова получались слишком большими для двора с двумя мешками белья.

Александр наклонился за вторым мешком.

— Моя мать недавно продала дачу. Сообщила, когда уже передала ключи.

— И вы?

— Сначала перечислил ей всё, что она сделала неправильно.

— Помогло?

— Она сказала: «Саша, я тебя не на консультацию пригласила».

Вера снова улыбнулась.

— Умная женщина.

— Очень неудобная.

Они вернулись в здание. В кабинете на Верином месте лежал распечатанный ответ от инженера по дополнительной проверке веранды. Работы согласовали, дата выезда была назначена.

Рядом Александр оставил записку: «Сумму подтвердил. Вас поставили в копию».

Вера положила лист в папку, а записку почему-то не выбросила. Перевернула чистой стороной вверх и записала на ней размеры служебного прохода.

Вечером она действительно купила продукты и сначала позвонила матери. Оказалось, хлеб уже был, молоко тоже, а вот лимоны закончились.

Вера взяла два. Потом вернулась к полке и взяла третий — для гостиничного чайника, в котором Тамара заваривала слишком крепкий чай.

Глава 7. Чужой снимок

В музей Вера пришла за фотографией веранды, а получила коробку чужих свадеб.

— Там всё вперемешку, — сказала Ирина Никитина. — Подписи сзади, где есть. Только не вынимай из конвертов сразу много, потом не соберём.

Они сидели в маленькой комнате за выставочным залом. На подоконнике стоял кактус в кружке, у двери — мешок с детскими бахилами. Через стену доносился голос экскурсовода, который пытался убедить школьников, что старинная печать — не штамп для картошки.

Ирина узнала Веру ещё на крыльце.

— Ты меня не помнишь. Я на два класса старше. Мы с твоей мамой готовили математический вечер.

— Тогда ты меня должна ненавидеть.

— Почему?

— На мне она дома проверяла задачи. Я потом всем говорила ответы.

Ирина улыбнулась, поправляя тяжёлую косу за плечом.

— Вот откуда у восьмого «Б» были такие способности.

Сейчас она работала с городским архивом и говорила о документах без торжественности. Показывала, куда ставить чашку, просила не класть телефон на фотографии, между делом звонила электрику из-за мигающей лампы в первом зале.

Вера достала ноутбук, но Ирина покачала головой.

— Сначала посмотри. Если найдёшь нужное, отсканируем. Тут машина будет больше места занимать, чем мы.

На первой фотографии молодожёны стояли у лестницы «Ласточки». Невеста подняла букет так, что закрыла половину лица жениха. За ними теснились гости, и только в правом углу было видно то самое белое крыло, которое Вера обнаружила под обшивкой.

— Вот это можно?

— Для работы можно получить копию. Для публикации отдельно разберёмся с происхождением и людьми. Здесь внучка приносила семейный альбом. Я помечу.

Вера отложила конверт. На следующем снимке оказался банкетный зал: длинные столы, бутылки лимонада, одинаковые стулья. Она приблизила фотографию к лампе.

— Это до папиной переделки.

— Какой именно?

— Веранды. Здесь ещё старый выход.

Ирина перевернула карточку. На обороте было написано: «Двадцать пять лет вместе. 1987».

Вера сразу поправилась:

— Да, конечно. Я про дверной проём, не про сам зал.

Отец тогда ещё не работал здесь. На мгновение ей стало неловко, будто она пыталась незаметно присвоить ему чужую жизнь.

Ирина уже вытаскивала следующий конверт. Для неё это было обычное уточнение даты.

Фотографий оказалось много. Мужчины с баяном, женщины в одинаковых шёлковых платьях, ребёнок, который уснул под двумя сдвинутыми стульями. Где-то в фоне виднелась нужная стена, где-то окно закрывал огромный искусственный цветок. Вера пыталась восстановить пространство по кусочкам чужих праздников и всё время отвлекалась на лица.

— Странно, — сказала она. — Когда работаешь с планом, кажется, что люди там должны ходить как стрелки. А тут все стоят совсем не там, где надо.

— Особенно когда фотограф их выстраивает.

В дверь просунулась пожилая женщина в зелёном жилете.

— Ира, у нас в списке двенадцать, а пришло шестнадцать. Я стулья из кабинета возьму?

— Конечно. Только эти два оставь, мы на них сидим.

Женщина посмотрела на Веру.

— Ты Пашина дочка?

Вера приготовилась к знакомому рассказу о том, каким хорошим человеком был её отец.

— Да.

— Передай маме, что я её миску верну. Она у меня с Пасхи.

— Передам.

Дверь закрылась. Ирина, увидев Верино лицо, рассмеялась.

— Здесь никто ничего не забывает. Просто иногда выбирают подождать год.

Следующий конверт был подписан чужим крупным почерком: «Клуб. Вторник».

На снимках сидели женщины с вязанием, рядом стоял мужчина в пиджаке и читал по листку. Вера узнала общий зал гостиницы, но мебель стояла иначе: кресла полукругом, маленький стол у окна. На стене висела карта.

— Это что?

— Краеведческие встречи. До закрытия ещё оставались, потом люди разошлись кто куда. Мы пытались здесь собрать, но у нас лестница и стульев не хватает.

Ирина кивнула в сторону двери, за которой только что унесли ещё два.

— В гостинице их пускали просто так?

— По договорённости. Иногда платили за чай, иногда приносили свой пирог. Ты разве не ходила?

— Я тогда уже в Москве была.

Вера перелистывала фотографии. Ей было неприятно сознавать, сколько всего она не знала о месте, которое утром называла своим. Она приезжала к отцу, сидела рядом с его чертежами, потом спешила на поезд. Пока его работа занимала у неё весь передний план, за спиной продолжалась другая гостиничная жизнь.

Ирина достала отдельный лист.

— Вот женщина оставила список встреч. Мы делаем небольшую выставку про городские места. Где люди собирались без специального повода. Библиотека, лодочная станция, гостиница. Хочу, чтобы здесь были не только фасады.

— Она ещё работает? Эта женщина.

— Уже нет. Дочь сохранила бумаги. Тут интересное: обсуждали не только краеведение. У них было занятие, как платить за коммуналку через интернет. Подозреваю, самое посещаемое за год.

Вера улыбнулась. Она представила Тамару Ильиничну у старого компьютера, окружённую людьми, которые не доверяли зелёной кнопке «Оплатить».

— Зал в новом варианте остаётся? — спросила Ирина.

Вера ответила не сразу.

— Пока мы рассматриваем разные решения.

— Я понимаю. Я не прошу обещать. Только если сможете оставить место, куда можно прийти человеку с улицы, это будет нужно.

— Будут гости. Им тоже нужен покой.

— Конечно. Поэтому я и спрашиваю, а не собираю подписи.

Вера услышала в её голосе лёгкую усталость и поняла, что приготовилась отбиваться раньше, чем на неё напали.

Они отобрали шесть снимков. Пока сканер медленно протягивал свет под стеклом, Вера вышла в зал.

Там стояло шестнадцать стульев, и почти все были заняты. Женщина в зелёном жилете показывала детям кусок ткани, предлагая угадать, из чего сделаны нитки. Один мальчик уверенно сказал «из овцы». Девочка рядом возразила, что овца была бы толще.

Вера прислонилась к дверному косяку и впервые за несколько дней просто смотрела, как люди пользуются помещением. Одному мешала батарея, другой не видел из-за чужой головы. Учительница села на подоконник, освободив стул ребёнку. Ирина проходила между рядами, придерживая тяжёлую дверь бедром.

На плане музея, висевшем у выхода, всё выглядело гораздо просторнее.

Когда Вера вернулась за копиями, Ирина спросила:

— Ты надолго приехала?

— Пока до конца месяца.

— Слышала, новые хозяева строгие.

— Какие?

— Я с ними не знакома. Люди говорят.

— Люди со мной сегодня в магазине обсуждали, что я переехала обратно. Я узнала много нового.

Ирина усмехнулась.

— Значит, не буду пересказывать остальное.

— Лучше не надо.

На выходе Вера задержалась перед витриной со старой посудой. Там стояла белая чашка с синей птицей на боку. Такие были в гостинице. Мать долго хранила две, потом у одной откололась ручка.

Она попыталась вспомнить, когда последний раз видела вторую, и не смогла.

В гостиницу Вера пришла с распечатками и неприятным ощущением, что её замечательный план стал сложнее ещё до того, как она его начертила.

Александр стоял у окна с телефоном и слушал кого-то молча. Заметив её, показал на стол: можно садиться. Вера разложила снимки. Один выскользнул из конверта и упал изображением вниз.

Когда Александр закончил, он поднял его раньше неё.

— Это вы?

Она протянула руку, но опоздала. На фотографии Вера лет десяти держала громадный плакат «Добро пожаловать» и смотрела на фотографа с откровенной ненавистью. Плакат был выше её плеча, один край подпирал подбородок.

— Документальное подтверждение моего раннего интереса к гостиничному делу, — сказала она.

— Очень сильная рекламная кампания.

— Мне обещали, что это на пять минут.

— И сколько?

— Пока не приедет автобус.

Александр посмотрел ещё раз. Она выхватила снимок и сунула в папку.

— У вас наверняка тоже есть позорные детские фотографии.

— Есть. Но я их на переговоры не ношу.

Вера хотела ответить что-нибудь острое, но заметила, как он всё ещё улыбается. Улыбка меняла лицо: становилось видно, что он вполне способен быть несерьёзным человеком, просто редко до этого добирается.

Она положила перед ним фотографию краеведческого клуба.

— Вот это важнее. Общий зал. Люди приходили сюда не только на свадьбы.

Он внимательно посмотрел.

— Вы хотите вернуть встречи?

— Я хочу понять, не потеряем ли мы то, ради чего сюда вообще будут приходить.

Александр откинулся на спинку стула.

— Если отдать весь первый этаж под свободный городской клуб, номера не оплатят содержание.

— Я этого не предлагала.

— Я тоже пока только спрашиваю.

Вера заставила себя убрать из голоса раздражение. Рассказала про Ирину, стулья, людей, которым негде встретиться. Александр слушал, затем перевернул распечатку и попросил карандаш.

— Сколько человек? Как часто? В какое время?

— Я не знаю.

— Тогда узнаем. Иногда будний день с десяти до двенадцати — совсем другой разговор, чем каждая суббота вечером.

Он начертил рядом с планом маленькую таблицу. Вера ожидала отказа, а получила новые вопросы, на которые требовалось искать ответы.

— Можно я приглашу Ирину сюда? Не на обещание, на разговор.

— Можно. Только заранее согласуем время. И не будем пока рисовать ей готовый клуб.

Она кивнула. Это условие было разумным. Ей досадно было признавать, насколько часто разумные ограничения звучали для неё как личное препятствие.

В кабинет заглянула Тамара.

— Вы на фотографиях нашли наш старый ковёр? Синий, с ромбами?

— Зачем? — спросила Вера.

— Чтобы он мне больше не снился. Никакой пылесос его не брал.

Они рассмеялись. Вера показала снимок клуба. Тамара тут же назвала почти всех и сообщила, что мужчина у окна приходил только ради печенья, хотя делал вид, что интересуется историей переправы.

Александр слушал, не перебивая. Потом спросил, сколько стоило накормить такую группу и кто оставался после неё убирать.

Тамара перестала улыбаться и села на свободный стул.

Разговор занял ещё полчаса. Выяснилось, что встречи были важными и утомительными, что стулья ломались, что люди иногда сами мыли чашки, а иногда оставляли липкий стол. Вера записывала и чувствовала, как из любимой фотографии постепенно возникает настоящая задача.

Когда Тамара ушла, Александр собрал снимки в ровную стопку.

— Вы расстроились?

— Нет. Просто я пришла с красивой идеей.

— Она всё ещё может быть хорошей.

— Теперь к ней прилагается уборка.

— Обычно прилагается.

Он протянул ей папку. Пальцы встретились на картонном краю. Вера перехватила папку двумя руками и прижала к груди.

У двери Александр сказал:

— А фотографию с плакатом всё-таки покажите потом.

— Зачем?

— Хочу понять, какие обещания вам точно нельзя давать.

Она повернулась. Он стоял у стола, и на этот раз не скрывал улыбки.

— Пять минут, — сказала Вера. — С этого лучше не начинать.

На улице она достала телефон и написала Ирине. Предложила встретиться одиннадцатого, пройти по первому этажу и поговорить о том, как люди будут им пользоваться.

Потом отправила матери фотографию чашки с синей птицей.

Ответ пришёл, когда она уже дошла до дома: «Наша в шкафу над холодильником. Я из неё по воскресеньям пью. Не лезь сейчас, сама достану».

Вера подняла глаза на материнское окно. Свет был включён. На подоконнике шевельнулась занавеска, и она помахала, хотя не знала, смотрит ли мать вниз.

Глава 8. Стол на двоих

— Здесь человек не развернётся, — сказала Тамара Ильинична.

Вера подняла голову от плана.

— Где?

— С тележкой. Вот здесь. Если дверь кладовой открыта.

Она ткнула пальцем в узкий проход возле будущей прачечной. На ногте осталась мука: Тамара принесла из соседней пекарни горячие лепёшки и успела одну разломить.

Вера увеличила чертёж. Проход существовал во всех трёх вариантах, которые она успела нарисовать. На экране он выглядел вполне убедительно.

— Дверь можно перевесить.

— Тогда она упрётся в шкаф с чистым бельём.

— Шкаф переставим.

— Куда?

Вера открыла рот и закрыла. За её плечом Александр тихо отодвинул стул. Она услышала в этом движение человека, которому стало интересно.

— Не начинайте, — предупредила она, не оборачиваясь.

— Я ничего не сказал.

— Вы очень выразительно молчите.

Тамара отломила себе ещё кусок лепёшки.

— Вы просто спуститесь со мной. Я покажу.

Через десять минут Вера стояла в служебном коридоре, держа ручку старой бельевой тележки. Переднее колесо поворачивалось отдельно от остальных и упрямо вело её к стене. Дверь кладовой действительно мешала.

— Тележку, конечно, тоже заменим, — сказала Тамара. — Но она хотя бы честная. Сразу видно, что не помещается.

Александр стоял в конце прохода и наблюдал. На этот раз Вера позволила себе посмотреть на него прямо.

— У вас есть идея?

— Поменять местами кладовую и подсобку. Потеряем часть подсобки, зато не будет двух встречных потоков.

Она прикинула размеры, потом отпустила тележку.

— Да. Это может сработать.

Он достал телефон и сфотографировал дверь, захватив в кадр рулетку на полу.

Наверху Вера исправила схему. Это заняло сорок минут, потому что перемещение кладовой потянуло за собой ещё три изменения. Тамара ушла звонить бывшей горничной. Александр сел напротив и принялся разбирать таблицу расходов.

Некоторое время они работали молча. За стеной стучали — теперь на другом участке, согласованном с Денисом. Вера привыкла к этому звуку и вздрагивала только тогда, когда он неожиданно прекращался.

— Теперь вход, — сказал Александр.

На вчерашнем наброске он предложил превратить бывший кабинет у входа в дополнительный, девятнадцатый номер. Вера пока вернула помещению прежние границы.

Она не подняла глаз.

— Что вход?

— Почему вы убрали отсюда номер?

Вера развернула ноутбук.

— Потому что так появляется место для доступного входа и нормального прохода к общему залу.

— А с другой стороны?

— С другой стороны служебный двор. Мне не нравится идея приглашать человека через разгрузку, пока все остальные заходят с набережной.

— Я говорю про планировку, не про человека.

— В данном случае это одно и то же.

Он потянулся к карандашу.

— Покажите границы, которые нельзя двигать.

Вера подвинула бумажную копию и обвела часть стен. Александр не пытался рисовать за неё. Задавал вопросы, иногда неприятно точные. Нельзя ли иначе разместить стойку? Обязательно ли оставлять старый тамбур? Насколько сложным будет новый вход? Что нужно проверить у проектировщиков дальше?

Через полчаса они нашли вариант, который обоим казался лучше. От девятнадцатого номера отказались, зато возле холла освобождалось место для небольшой гостиной. Прежние восемнадцать оставались на плане.

— Вы сейчас будете считать, сколько мы потеряли за год, — сказала Вера.

— Уже считаю.

— А я думаю, сколько людей смогут сюда войти без помощи четырёх мужчин.

Александр отложил карандаш.

— Не обязательно выбирать, кому из нас можно думать о людях. Я просто обязан проверить, из чего потом будут платить зарплату.

Ей хотелось ответить, что она тоже умеет считать. Вместо этого Вера придвинула стул ближе.

— Покажите.

Он повернул ноутбук к ней. Таблица была устроена проще, чем она ожидала: стоимость номера, предполагаемая загрузка, расходы. Несколько строк выделены жёлтым — данных не хватало. Александр объяснил, почему нельзя умножить число комнат на количество дней и радоваться полученной сумме. Вера слушала, время от времени возвращая его к конкретным предположениям.

— Здесь вы слишком уверены в зиме, — сказала она. — В ноябре у нас даже кафе закрываются раньше.

— Потому и жёлтая строка. Я хочу услышать местных.

— Спросите Тамару. Только сначала дайте ей поесть. Иначе она назовёт вам самую плохую зиму из всех.

Александр сделал пометку.

— Это профессиональная рекомендация?

— Местная экспертиза.

Позже приехал Роман Киреев. Вера узнала его по фотографии в переписке, хотя живьём он выглядел моложе: короткая стрижка, аккуратная борода, светлый плащ. В руках у него был пакет яблок.

— Из сада, — объяснил он, ставя пакет на стол. — Жена велела раздать. Я уже в багажнике людей ими угощаю.

Он пожал Вере руку, попросил посмотреть план и сразу спросил о сроках. Александр показал календарь обследования. Роман слушал, не перебивая, потом положил палец на тридцатое число.

— Мне важно, чтобы здесь осталось это число. У нас предложение не вечное.

— Мы помним, — сказал Александр.

— Ты помнишь. Я хочу, чтобы Вера тоже понимала: согласие на концепцию ещё не значит согласие на любую её цену.

— Я понимаю, — ответила Вера. — А вы понимаете, что вывод может быть неприятным для обоих вариантов?

Роман на секунду задумался.

— Да. И лучше получить его сейчас.

Он не оказался ни грубым, ни глупым. От этого спорить с ним было труднее. Перед уходом он выбрал из пакета самое большое яблоко, положил рядом с Вериным ноутбуком и сказал:

— Это вам. Остальные Саша забудет, они у него через неделю прорастут.

Когда дверь закрылась, Вера посмотрела на Александра.

— Вы действительно забудете?

— Я надеялся, вы не поверите.

К восьми вечера в гостинице остались только они. Тамара ушла, предупредив, что электрический чайник лучше выключать из розетки, потому что она так привыкла. Рабочие закончили раньше. В тишине вдруг стало слышно, как дребезжит оконная ручка от проходящих по улице машин.

Вера потянулась, и шея болезненно отозвалась. За день она ни разу не вышла на улицу после обхода.

— Ужин? — спросил Александр.

Она посмотрела на телефон. Мать прислала сообщение: «Я у Гали до десяти. Не жди».

— Что есть?

— Яблоки.

— Заманчиво.

Через двадцать минут он принёс из маленького кафе у пристани суп в контейнерах и хлеб. Они освободили край стола. Вера убрала чертежи подальше, расставила пластиковые ложки и внезапно почувствовала неловкость. До этого весь день они спокойно сидели рядом. Теперь предстояло просто есть.

Александр снял куртку и повесил на спинку стула. Рукав рубашки был закатан небрежно, на предплечье виднелась тонкая белая полоска старого шрама. Вера отвела взгляд к контейнеру.

— Вы всегда так поздно заканчиваете? — спросил он.

— Нет. Иногда ещё позже.

— Плохой ответ.

— Зато честный. Вы?

— Стараюсь раньше. Получается не всегда.

За окном зажглись фонари. На стекле отразились лампа, коробка с яблоками и их лица, сидящие слишком близко друг к другу из-за узкого свободного края.

— У вас здесь было любимое место? — спросил Александр.

Вера подумала о веранде, но назвала другое.

— Под стойкой администратора. Там меня никто не видел. Я читала, пока папа работал.

— Никто?

— Кроме всех сотрудников. Но они делали вид.

— Хорошие люди.

— Да.

Она рассказала, как однажды уснула там, а Тамара полчаса искала её по всему зданию. Александр засмеялся, когда узнал, что Вера проснулась сама и вышла спросить, почему все кричат.

Потом он убрал контейнеры и вытер стол. Вера ждала, что сейчас они вернутся к расчётам, но он закрыл ноутбук.

— Довезти вас?
— Я пройду. Двадцать минут.
— Тогда я тоже пройду. Мне в другую сторону, но до площади по пути.
Вера убрала компьютер в сумку и взяла яблоко.

Глава 9. То, чего нет в списке

Вера узнала Александра по голосу раньше, чем увидела.

— Мне не для красоты, — говорил он.

— Тогда зачем вам вообще вешалка? — отвечала женщина за прилавком. — Гвоздь забейте.

Вера остановилась между корзиной с прищепками и стойкой с зонтами. Александр держал деревянную планку с тремя крючками. На одном висела бумажная бирка, второй был прикручен чуть ниже остальных.

— Она должна выдерживать мокрую куртку.

— И что с вашей курткой такого особенного?

— Ничего. Кроме того, что она мокрая.

Продавщица посмотрела на Веру.

— Девушка, объясните ему. Нормальная вешалка.

Александр обернулся. На мгновение его лицо стало совершенно другим — открытым, почти обрадованным. Потом он увидел её улыбку и прищурился.

— Вы здесь случайно или вас прислали?

— Я за пуговицами. Но могу посмотреть несущую способность.

— Двое теперь, — сказала продавщица. — Так. Для куртки берите железную. Эту людям дарят.

Александр поставил деревянную планку на место. Вера сняла с крючка другую, простую, без нарисованных домиков, и перевернула.

— Тут хотя бы отверстия крепления не на одном уровне с сучком.

— Вот эту, — сказал он.

Продавщица с видом победителя завернула покупку в газету.

На рынке было людно. Сентябрь ещё позволял продавать с открытых столов; под брезентовыми козырьками стояли вёдра с астрами, банки мёда, стопки толстых носков. Вера пришла на полчаса и уже успела потерять список, который мать сунула ей в карман.

— Пуговицы? — переспросил Александр, глядя на пакет у неё в руке.

— Для мамы. Большие, тёмно-синие, четыре дырки. И точно такие же, как те, которые она покупала в прошлом году.

— У вас есть образец?

— Нет. Зато у нас есть уверенность, что продавщица помнит.

Он пошёл рядом. Вера не предлагала присоединиться, но и не спрашивала, куда он идёт. Они лавировали между людьми, иногда отставая друг от друга на шаг. У прилавка с рыбой Александр придержал ей пустую картонную коробку, которая съезжала со стола. Вера прошла и поняла, что всё время ждёт какого-нибудь рабочего вопроса.

Вопроса не было.

В отделе тканей пришлось снимать с верхней полки прозрачную банку. Продавщица, очень маленькая женщина с серебряными серьгами, принесла стремянку, а Вера вызвалась подержать.

— Я сама, — сказал Александр.

Женщина остановилась на первой ступеньке.

— Сам что?

Он помолчал.

— Подержу лестницу.

— Это можно.

Вера опустила голову, пряча улыбку. Александр посмотрел на неё, и в его взгляде было вполне понятное обещание припомнить ей эту минуту.

Пуговицы высыпали на кусок серого сукна. Вера сфотографировала три варианта и отправила матери. Мать не отвечала. Пришлось звонить.

— Они не синие, — сообщила Марина Сергеевна после долгого рассматривания снимка.

— Мам, они синие. Это свет такой.

— Тогда зачем ты мне фотографию присылаешь, если ей нельзя верить?

Александр отвернулся к полке с нитками. Плечи у него подозрительно дрогнули.

— Какие брать?

— Первые. Только шесть.

— Ты говорила пять.

— На рукава тоже нужны. Я подумала.

Вера набрала шесть пуговиц, заплатила и уже у выхода нашла в кармане список. Там стояло: «Шесть. Не чёрные». Она поспешно сложила бумажку, но Александр успел увидеть.

— Сложный заказчик, — заметил он.

— Не начинайте.

— Я ещё ничего.

— Вы очень выразительно читаете.

Они вышли в проход между рядами. Вера посмотрела на часы. Можно было вернуться домой, выпить кофе, открыть почту. Вместо этого она спросила:

— Вам ещё что-нибудь нужно?

— Лампочка. И, кажется, овощи.

— Кажется?

— Я собирался готовить. Но список составлял вчера вечером, когда был оптимистом.

Она засмеялась. Рядом женщина продавала помидоры трёх сортов. Александр выбрал самые ровные, плотные, без единого пятна.

Продавщица молча взяла один и разрезала.

Внутри он оказался почти белым.

— В дорогу хорошо, — сказала она. — А есть лучше эти.

Она указала на неровные розовые помидоры, один из которых треснул у плодоножки.

Вера посмотрела на Александра. Он посмотрел на неё.

— Я понял, — сказал он. — Сегодня весь город занят моим образованием.

— У нас общая программа.

Продавщица отрезала им по дольке. Сок потёк по пальцам, и Вера вдруг почувствовала себя очень глупо: стоять на рынке и есть помидор рядом с человеком, с которым вчера обсуждала стоимость перекрытий, почему-то было гораздо личнее, чем поздний ужин в кабинете.

Александр протянул ей салфетку из кармана. На этот раз она взяла.

— У вас всё с собой?

— Нет. Лампочки ещё нет.

Лампочку нашли в маленьком хозяйственном павильоне. Продавец спросил про цоколь, Александр показал фотографию. Вера заметила на снимке край комнаты: старые обои, полка с книгами, слишком яркая оранжевая подушка. Ей захотелось узнать, он сам её выбрал или она досталась вместе с домом.

Она не спросила. Но, когда продавец стал предлагать холодный белый свет, неожиданно сказала:

— Лучше тёплый. Там торшер.

Александр повернулся к ней.

— Видно по фотографии, — добавила она слишком быстро.

— Я ничего не сказал.

— Вы опять выразительно.

Он купил тёплую лампочку.

У выхода из павильона какой-то мальчик налетел на корзину с мотками шнура. Корзина опрокинулась, цветные круги покатились между ног. Мать мальчика охнула, пытаясь одновременно удержать коляску и пакет с капустой.

Вера поймала синий моток у собственного ботинка. Александр наклонился за другим. Минуту они собирали покупки незнакомой женщины, а мальчик стоял рядом, красный до ушей.

— Самый быстрый уходит под прилавок, — сказал ему Александр. — Давай ты с той стороны, я с этой.

Мальчик тут же присел и полез рукой под стол. Он вытащил красный круг, затем ещё один, и к концу спасательной операции уже не выглядел человеком, которому лучше исчезнуть навсегда.

Женщина благодарила так горячо, что Вере стало неловко. Александр только поднял упавшую корзину и сказал:

— Там ножка подгибается. Лучше подставить что-нибудь.

Когда они отошли, Вера спросила:

— Вы хорошо с детьми ладите?

— С чужими иногда проще. Можно вовремя вернуть.

— Честно.

— А вы?

— Я умею объяснять, почему нельзя прыгать на диване, который мы только что выбрали заказчику. Ребёнку обычно интереснее проверить самому.

— Понимаю ребёнка.

— Я тоже. Но счёт потом приходит взрослым.

На площади у рынка кто-то играл на гармошке. Музыка была неровной, быстрой, и несколько пожилых женщин у цветочного ряда притопывали, будто делали это ненарочно. Вера замедлила шаг.

В детстве ей казалось, что взрослые на рынке всегда знают, чего хотят. У каждого список, деньги в отдельном кармане, уверенная интонация. Теперь она стояла с шестью пуговицами, а Александр — с лампочкой и помидорами, и никто из них не выглядел особенно подготовленным к дальнейшей жизни.

У неё зазвонил телефон. Кира прислала голосовое сообщение. Вера включила его негромко, отвернувшись.

Нужно было подтвердить время видеосвязи с заказчиком. Кира предлагала два часа. Вера набрала ответ, потом сверилась с календарём и исправила: в два она ждала материал от Дениса, лучше в половине третьего.

— Работа? — спросил Александр, когда она убрала телефон.

— Да. В Москве квартира не становится больше, сколько бы её ни обсуждали.

— Вы любите такие задачи?

Вера задумалась.

— Иногда. Мне нравится, когда человек наконец понимает, как ему будет удобно жить. А иногда хочется, чтобы он просто выбрал одну из трёх одинаковых ручек.

— Они ведь не одинаковые.

— Только не говорите мне это сейчас.

Он засмеялся и указал на киоск с кофе.

— У вас ещё есть время?

Вера посмотрела на часы.

— Двадцать минут.

— Настоящие?

— Да. Потом я пойду.

Они взяли кофе и сели на низкую ограду у сквера. Александр положил пакет с овощами между собой и столбиком, чтобы не покатился. Вера поставила сумку на колени. Солнце вышло из-за облака, и на некоторое время стало почти по-летнему тепло.

— Вы всегда так внимательно считаете время? — спросила она.

— Не всегда получается.

— Это я уже заметила.

— Мне казалось, я неплохо держусь.

— Пока да. Но вы на испытательном сроке.

Он посмотрел на неё поверх стаканчика.

— У меня?

Вера почувствовала, как изменился смысл собственной шутки. Можно было немедленно сказать «как заказчик», вернуть разговор в привычную рамку. Она поднесла кофе к губам и не стала.

Мимо проходили люди. Кто-то поздоровался с ней, но не остановился. Под ногами по плитке скользил первый сухой лист. Вера заметила, что у Александра на щеке маленький след от бритья, почти заживший. Ей захотелось провести по нему пальцем — нелепое желание для утреннего рынка, с пакетами и кофе, — и она крепче обхватила стаканчик.

— Вы давно здесь снимаете дом? — спросила она.

— С июля. Сначала думал на пару недель.

— Удобно?

— Хозяйка считает, что очень. Там всё есть. Включая часы, которые бьют раньше времени.

— Насколько раньше?

— На семь минут. Я ещё не разобрался, как переставить.

— И вы терпите?

— Они тяжёлые. Для начала надо найти стремянку, которая выдержит меня и мою уверенность в собственных силах.

Вера улыбнулась. Ей нравилось, когда он говорил о себе так, без попытки произвести впечатление.

Она рассказала про материнскую швейную машинку, про комнату, в которой внезапно стало меньше места для её прошлого. Александр слушал, временами задавал короткие вопросы. Потом сказал, что каждый раз, приезжая к матери, ищет чашки в шкафу, которого уже три года нет.

— И злитесь?

— Первые пять минут. Потом вспоминаю, что она там живёт, а я приезжаю искать чашки.

Несколько дней назад он рассказывал про проданную дачу. Теперь Вера начинала представлять дом, в котором он вырос, людей, которые знали его до всяких гостиниц. Ей хотелось спросить ещё.

Телефон коротко завибрировал: таймер, который она поставила, покупая кофе.

— Мои двадцать минут, — сказала Вера.

Александр поднялся первым. Собрал пакеты, выбросил пустой стаканчик в урну.

Они дошли до угла, где ей нужно было свернуть.

— Завтра Николай Ефимович нас ждёт к одиннадцати, — сказала она. — Я вечером пришлю время парома.

— Хорошо.

Она уже сделала шаг, когда он добавил:

— А кофе был не по работе.

Вера повернулась.

Слова были простые. Он произнёс их спокойно, но пальцы сильнее сжали ручку пакета, и она увидела, что спокойствие далось ему не совсем бесплатно.

— Я поняла, — сказала она.

— На всякий случай уточнил.

Она не знала, что ответить так, чтобы не обесценить эту неловкую прямоту. Поэтому просто улыбнулась и пошла домой.

Мать приняла пуговицы с удовлетворением, хотя при дневном свете они оказались чуть темнее прежних. Вера разложила рабочие листы, подключилась к разговору с Кирой и заказчиком, честно провела за экраном полтора часа.

Когда связь закончилась, рядом с ноутбуком лежала забытая салфетка. На ней осталось маленькое розовое пятно от помидора.

Вера выбросила её, чтобы не превращать обычный рынок в начало личного музея. Потом открыла расписание парома и поймала себя на том, что думает вовсе не о столярной мастерской.

Глава 10. На другом берегу

Паром отходил через семь минут, а Александр всё ещё разговаривал по телефону.

Вера стояла возле машины с тубусом под мышкой и смотрела, как матрос поднимает цепь у съезда. За рекой низко лежал туман. Из него выступали сосны и верхушка водонапорной башни, похожая на недопитую чашку на блюдце.

— Нам пора, — сказала она.

Александр показал ладонью: минуту.

Вера прошла к трапу. Билетёр проверил её билет, дождался Воронцова и только тогда убрал руку с цепи. Александр поднялся на палубу последним, уже закончив звонок.

— Успели, — сказал он.

— Следующий через два часа.

— Я видел расписание.

— Тогда зачем?.. Ладно.

Он убрал телефон во внутренний карман.

— Извините. Там у нас вода в номере пропала. Человек заселился после ночной смены и хотел просто помыться. Я пытался понять, кого разбудить.

Вера поправила ремень сумки. Раздражение ушло не сразу, но потеряло удобную форму.

На палубе было холодно. Две женщины с клетчатыми сумками сели у стенки, закрывавшей от ветра. Пожилой мужчина придерживал между колен велосипед. У поручня стояла девочка лет семи и считала чаек, каждый раз начиная заново, когда они менялись местами.

Вера остановилась у борта. С этого берега город выглядел низким: колокольня, крыши, белая полоса набережной. «Ласточка» пряталась за липами. Виднелось только крайнее окно общего зала.

— Почему вы решили ехать сюда? — спросил Александр. — Рамы делают и в городе.

— Николай Ефимович умеет смотреть на старое окно до того, как предложит новое. Это полезно.

— Он работал с вашим отцом?

— Иногда. Но я его приглашаю не поэтому.

— Я не это имел в виду.

Она повернулась к нему.

— Знаю. Просто заранее отвечаю на все вопросы, которые могут меня разозлить.

Александр усмехнулся.

— Удобная система. Можно молча стоять, а вы всё равно со мной поссоритесь.

Вера не удержалась от улыбки.

Мастерская находилась в бывшем магазине у края посёлка. Над дверью сохранились выцветшие буквы «ХОЗТОВАРЫ», а под ними кто-то прикрутил маленькую табличку с номером телефона. Николай Ефимович встретил их в фартуке, покрытом светлой пылью.

— Вера Павловна, — сказал он. — А я помню, ты до прилавка не доставала.

— Сегодня достану.

— Ну, проверим. Заходите, только дверь прикройте: у меня тут сушится.

Внутри пахло древесиной и чем-то сладковатым. На стене висели инструменты, разложенные не для красоты: некоторые места пустовали, потому что работа шла. Возле окна стояли три разные рамы. Николай Ефимович предложил гостям самим найти ту, которую можно восстановить с наименьшими затратами.

Вера выбрала среднюю. Александр — крайнюю.

— Почему? — спросила она.

— У этой углы лучше.

Николай Ефимович протянул ему небольшой деревянный брусок.

— Потрогайте вот здесь. Нет, не бейте, просто нажмите.

Дерево поддалось. Александр убрал руку.

— Понял.

— Зато покрашена красиво, — заметил мастер.

Они разложили на столе фотографии гостиничных окон. Разговор быстро стал предметным: что можно оставить, что потребует замены, сколько займёт пробная работа. Николай Ефимович назвал срок, от которого Вера поморщилась.

— До весны не успеем все.

— Все не успеем. Часть — можно. У меня два человека, Верочка, а не полк.

Александр спросил об очередности. Вера начала отмечать окна на плане. Карандаш плохо писал по холодной бумаге; Николай Ефимович дал другой, толстый и плоский. Она быстро привыкла к нему.

Пока мастер искал образец фурнитуры, им пришлось освободить место у стеллажа. Александр взялся за большую раму, но та оказалась неудобной. Вера придержала второй край.

— Не за створку, — сказала она.

— Я понял.

— Вы говорили это с прошлой рамой.

— У меня хороший потенциал к обучению.

Они поставили раму у стены. Воронцов посмотрел на пыльный след на своей рубашке.

— Теперь точно похож на участника проекта.

— До этого мешали слишком чистые рукава.

Из подсобки донёсся голос мастера:

— Если закончите обсуждать одежду, я покажу петли.

На обратный паром они пришли заранее. Вера купила в киоске две горячие булочки и чай. Александр предложил заплатить, но она уже приложила карту.

— Взаиморасчёт за суп, — сказала она.

— Я не вёл учёт.

— Я вела.

Они сели на скамейку у пристани. Туман рассеялся. На воде лежали длинные полосы света; у дальнего берега медленно шла лодка, и звук мотора доходил с задержкой.

Александр разломил булочку. Варенье сразу попало ему на большой палец. Вера протянула салфетку раньше, чем он попросил.

— Вы всегда хотели заниматься старыми зданиями?

— Нет. В институте хотела строить очень большие стеклянные штуки. Чем меньше они были похожи на Верхнеречье, тем лучше.

— Что изменилось?

Она пожала плечами.

— На третьем курсе попала на практику. Там женщина попросила оставить ступеньку у окна. Все считали её ненужной, а она на неё садилась, когда переобувалась после смены. Я потом несколько дней думала об этой ступеньке. Стеклянная башня меня так не занимала.

— И вы стали проектировать ступеньки.

— В том числе. Дорогие. Архитектурные.

Он засмеялся. Вера посмотрела на него и впервые позволила себе не отводить взгляд сразу. Ей нравился его смех: короткий, без привычки проверять, смеются ли остальные.

Потом Александр спросил о бюро, и она рассказала о Кире, о первой самостоятельной работе, о квартире, в которой они полгода встречали клиентов за раскладным столом. Слова шли легко, пока он не спросил, почему она ушла из прежней компании.

Вера смяла пустой пакет.

— Потому что устала работать под чужой фамилией.

Он подождал.

— Это бывает нормально. Большое бюро, общий результат. Я понимала. Но однажды руководитель отправил заказчику мой вариант, изменив в нём несколько вещей. Я заранее сказала, что не согласна. На встрече выяснилось, что я якобы всё одобрила.

— Что вы сделали?

— Сказала, что нет.

— При заказчике?

— Да.

Она помнила не саму ссору, а мелочи: чашку с остывшим кофе, тугой пояс юбки, коллегу, который всё время смотрел в стол. Руководитель тогда отвёл её в коридор и объяснил, что хорошие сотрудники не подставляют команду. Через неделю ей отдали менее значимый участок работы. Через месяц она ушла.

— Он считал, что я должна быть благодарна. Меня вообще допустили к большому проекту.

— Поэтому отдельный пункт в договоре, — сказал Александр.

— Поэтому.

Он поставил стакан на землю между ногами.

— Если я с вами не согласен, вы это услышите от меня. Не на чужой встрече.

Вера кивнула. Ей хотелось ответить чем-нибудь лёгким, убрать из разговора серьёзность, но она не стала.

— Для меня это важно.

— Я понял.

К пристани подошёл паром. Девочка с утреннего рейса снова оказалась среди пассажиров, теперь с небольшой коробкой под мышкой. Вера спросила, что там.

— Чашка для бабушки, — ответила девочка. — Только вы не толкайтесь.

— Не будем, — сказал Александр и отступил, пропуская её вперёд.

На палубе Вера встала рядом с ним. Ветер усилился, и она плотнее запахнула куртку. Александр переместился с другой стороны. Теперь ветер трепал его воротник, а ей почти не дуло.

— Между прочим, — сказала Вера, — у вас хороший потенциал к обучению.

Он повернул к ней голову.

— Это уже заключение специалиста?

— Просто похвала. Вы всегда требуете её письменно?

— Редко получаю. Не знаю, как принято.

Она улыбнулась и посмотрела на приближающуюся набережную.

Глава 11. Свободный вечер

В доме, который Александр снимал на время работы, часы били на семь минут раньше. Хозяйка обещала найти записку часовщика, но пока так и не нашла. Он привык вычитать семь минут, но каждый вечер вздрагивал от первого удара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.